

ДОСТОЕВСКИЙ Фёдор Михайлович [30.10(11.11).1821, Москва — 28.1 (9.2).1881, Петербург; похоронен в Александро-Нев. Лавре]. Отец, Мих. Андр. (1789—1839), — врач (штаб-лекарь) моск. Мариинской больницы для бедных (Божедомка; ныне ул. Достоевского, 2, Музей-квартира Д.), в 1828 получил звание потомств. дворянина. В 1831 приобрел село Даровое Кашир. у. Тульской губ., в 1833 соседнюю д. Чермошню (дет. восп. о летних поездках туда принадлежат к дорогим мгновениям жизни Д., к которым он часто обращался в худож. произв. и публицистике). По восп. детей, отец был человеком независимым, образованным, заботливым семьянином, но обладал характером вспыльчивым и подозрительным. После смерти жены в 1837 вышел в отставку, поселился в Даровом. По документам, умер от апоплексич. удара; по восп. родственников и устным преданиям, был убит своими крестьянами; достоверность этой версии дискутируется в науч. лит-ре (см.: Нечаева В. С., Ранний Д. 1821 — 1849, М., 1979, гл. 3). Мать, Мария Фёд. (урожд. Нечаева; 1800—37), из купеческо-интеллигентной семьи, состояла в родстве с моск. купцами Куманиными. В семье Д. было еще шестеро детей: Михаил (см. *Достоевский* М. М.), Варвара (1822—93), Андрей (см. *Достоевский* А. М.), Вера (1829—96), Николай (1831— 83), Александра (1835—89). «Я, — писал Д.— происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» (XXI, 134). Но С. Д. Яновскому запомнились и рассказы Д. «о тяжелой и безотрадной обстановке его детства» (он «благоговейно отзывался всегда о матери, о сестрах и о брате Михаиле Михайловиче; об отце он решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать» — Д. в восп., I, 157).

В 1833 Д. был отдан в полупансион Н. И. Драшусова (ср. пансион Тушара в ром. «Подросток»); туда он и брат Михаил ездили «ежедневно по утрам и возвращались к обеду» (*Достоевский* А. М., с. 65). С осени 1834 по весну 1837 Д. посещал частный пансион Л. И. Чермака, в котором преподавали астроном Д. М. Перевошиков, палеолог А. М. Кубарев. Учитель рус. языка Н. И. *Билевич* сыграл определ. роль в духовном развитии Д. По словам товарища Д. по пансиону В. М. Каченовского, он «был серьезный, задумчивый мальчик, белокурый, с бледным лицом. Его мало занимали игры: во время рекреаций он не оставлял почти книг...» (МВед, 1881, 31 янв.). «Да, наших чермаковцев ... я всех помню ... Бывая в Москве, мимо дома в Басманной всегда проезжаю с волнением», — писал Д. незадолго до смерти (Письма, IV, 204). Восп. о пансионе послужили материалом для мн. произв. Д. (см.: Фёдоров Г. А., Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг.— В кн.: *Достоевский. Мат-лы и иссл.*, в. 1; Нечаева В. С., Ранний Д. ..., гл. 2).

Тяжело пережив смерть матери, совпавшую с известием о смерти А. С. Пушкина, к-рую он воспринял как личную потерю, Д. в мае 1837 едет с братом Михаилом в Петербург и поступает в приготовит. пансион К. Ф. Костомарова. Тогда же состоялось его знакомство с И. Н. Шидловским, чья религ.-романт. настроенность увлекла Д. С янв.

1838 Д. учился в Гл. инж. уч-ще, обычный день в к-ром описывал так: «... с раннего утра до вечера мы в классах едва успеваем следить за лекциями. ... Нас посылают на фруктовое ученье, нам дают уроки фехтованья, танцев, пенья ... ставят в караул, и в этом проходит все время...» (XXVIII, кн. 1, с. 46). Восп. товарищей свидетельствуют: «Во всем училище не было воспитанника, который бы так мало подходил к воен. выправке, как Ф. М. Достоевский. Движения его были какие-то угловатые и вместе с тем порывистые. Мундир сидел неловко, а ранец, кивер, ружье — все это казалось какими-то веригами, которые временно он обязан был носить... Нравственно он также резко отличался от всех своих... товарищей. Всегда сосредоточенный в себе, он в свободное время постоянно задумчиво ходил взад и вперед где-нибудь в стороне, не видя и не слыша, что происходило вокруг него» (Д. в восп., I, 106). Тяжелое впечатление о «каторжных годах» учения частично скрашивали приятельские отношения с Д. В. Григоровичем, врачом А. Е. Ризенкампом, дежурным офицером А. И. Савельевым, художником К. А. Трутовским.

Еще по дороге в Петербург Д. мысленно «сочинял роман из венецианской жизни», а Ризенкампу в 1838 рассказывал «о своих собственных лит. опытах». По восп. Григоровича, вокруг Д. в уч-ще образуется лит. кружок, в к-рый входили воспитанники Ал. Н. Бекетов, Н. И. Витковский и И. И. Бережецкий (с последним Д. одно время был особенно близок). 16 февр. 1841 на вечере, устроенном братом Михаилом по случаю отъезда в Ревель, Д. «читал отрывки из двух своих драм, опытов — „Марии Стюарт“ и „Бориса Годунова“». О работе над драмой «Жид Янкель» Д. сообщал брату в янв. 1844. Рукописи драм не сохранились, но уже из их названий вырисовываются лит. увлечения Д.: Шиллер (по собств. признанию, Д. «брехал им»), Пушкин, Н. В. Гоголь. Литература — ив центре писем молодого Д., часто романтически исповедальных, насыщенных размышлениями о произв. У. Шекспира, И. В. Гёте, Шиллера, П. Корнеля, Ж. Расина, Ф. Шатобриана, В. Гюго, Э. Гофмана, О. де Бальзака, Жорж Санд, Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Гоголя, А. С. Грибоедова. Письма Д. к брату Михаилу — творческая лаборатория, в которой формировались его эстетические воззрения и стиль.

После смерти отца бездетные Куманины взяли на себя попечение о младших братьях и сестрах Д., а Фёдор и Михаил получили незначит. наследство. С осени 1841 Д., став экстерном уч-ща, получает право жить на частной квартире «вольным, одиноким и независимым». По окончании уч-ща (кон. 1843) он был зачислен полевым инженером-подпоручиком в Петерб. инж. команду, но уже в начале лета 1844, решив всецело посвятить себя лит-ре, подал в отставку и уволился в чине поручика. С весны 1842 по нач. 1846 жил на Владимирском пр. (ныне д. 11); затем в Кузнечном пер. (ныне д. 5/2), в Кирпичном пер. (дом не установлен); с сентября — на Б. Мещанской ул. (ныне Плеханова, 2), с нояб. 1846 по февр. 1847 — на Большом пр. Васильевского о. (ныне д. 4).

В янв. 1844 Д. закончил перевод пов. «Евгения Гранде» Бальзака, которым тогда он особенно увлекался («Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной!

Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека», — писал он в 1838; XXVIII, кн. 1, с. 51). Перевод стал первой опубл. лит. работой Д. («Пантеон», 1844, кн. 6, 7). В 1844 Д. начинает и в мае 1845 после многочисл. переделок заканчивает ром. «Бедные люди». Его первый читатель Григорович познакомил с рукописью Н. А. Некрасова, и они «просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал». На следующий день рукопись была передана В. Г. Белинскому, первая встреча с к-рым навсегда отпечаталась в памяти Д. («самая восхитительная минута во всей моей жизни» — XXV, 31, 29).

Ром. **«Бедные люди»** (1845, «Петерб. сб-к», изд. Н. Некрасовым, СПб., 1846; отд. испр. изд.— СПб., 1847), историко-генетич. связь к-рого со «Станционным смотрителем» Пушкина и «Шинелью» Гоголя подчеркнул сам Д., имел исключит. успех. Опираясь на традиции физиологич. очерка, Д. создает реалистическую картину жизни «забитых» обитателей «петерб. углов», галерею социальных типов от уличного нищего до «его превосходительства». В то же время форма романа в письмах позволила Д. передать тончайшие нюансы психологии самораскрывающихся, исповедующихся героев. «Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), — писал Д. брату 1 февр. 1846, — состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину, а разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое...» (XXVIII, кн. 1, с. 118).

В рец. на «Петерб. сб-к» Белинский охарактеризовал талант начинающего писателя как «необыкновенный и самобытный, который сразу ... резко отделился от всей толпы наших писателей, более или менее обязанных Гоголю направлением и характером ... своего таланта» (ОЗ, 1846, № 3, с. 7; IX, с. 551), а о значении его сказал: «... роман открывает такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него и не снились никому ... Это первая попытка у нас социального романа...» (Анненков, с. 272; аналитич. обзор др. многочисл. откликов на роман см.: Достоевский, I, 470—78).

Лето 1845 (как и следующее) Д. провел в Ревеле у брата Михаила. Осенью 1845 по возвращении в Петербург часто встречается с Белинским. По собств. признанию Д., он тогда «страстно принял все учение» критика, включая его социалистич. идеи (XXI, 12, 131). Познакомился с И. С. Тургеневым, В. Ф. Одоевским, посещает салон Панаевых. В октябре Д. совм. с Некрасовым и Григоровичем составляет анонимное программное объявление к альм. «Зубоскал» (ОЗ, 1845, № 11), а в нач. декабря на вечере у Белинского читает главы **«Двойника»** (ОЗ, 1846, № 2), в к-ром впервые дает психол. анализ расколотого сознания, «двойничества». Д. дорожил «идеями» повести, хотя и сожалел, что форма ее «не удалась совершенно» (XXVI, 65). Позднее Д. попытался написать нового «Двойника» (II, 433—37). Белинский сначала отозвался о «Двойнике» сочувственно («носит на себе отпечаток таланта огромного и сильного, но еще молодого и неопытного: отсюда все его недостатки, но отсюда же и все его достоинства» — ОЗ, 1846, № 3, с. 19; IX, 565), но вскоре охладел к повести. Высоко оценил худож. мысль повести В. Н. Майков: «В „Двойнике“ манера г. Достоевского и

любовь его к психол. анализу вы разились во всей полноте и оригинальности. В этом произв. он так глубоко проник в человеческую душу, так бестрепетно и страстно вгляделся в сокровенную машинацию человеческих чувств, мыслей и дел, что впечатление, производимое чтением „Двойника“, можно сравнить только с впечатлением любознательного человека, проникающего в химич. состав материи» (ОЗ, 1847, № 1, с. 4); др. суждения современников о «Двойнике», в т. ч. С. П. Шевырёва, К. С. Аксакова, А. А. Григорьева, были отрицательными (см.: Достоевский, I, 490—92).

Рассказ «**Господин Прохарчин**» (ОЗ, 1846, № 10) и пов. «**Хозяйка**» (ОЗ, 1847, № 10, 11), в к-рых эскизно намечены мн. мотивы, идеи и характеры произв. Д. 1860—70-х гг., не были поняты совр. критикой. Радикально изменил свое отношение к Д. и Белинский, осудивший «фантастический» элемент, «вычурность», «манерность» этих произв. Точнее других истолковал мысль рассказа В. Майков (ОЗ, 1847, № 1). В др. произв. Молодого Д.— в повестях «**Слабое сердце**» (ОЗ, 1848, № 2), «**Белые ночи**» (ОЗ, 1848, № 12), цикле острых социально-психол. фельетонов «**Петербургская летопись**» (СПб Вед, 1847, 27 апр., 11 мая, 1 и 15 июня) и незаконч. ром. «**Неточка Незванова**» (ОЗ, 1849, № 1, 2, 5) — расширяется проблематика творчества Д., усиливается психологизм с характерным акцентом на анализ сложнейших, неуловимых внутр. явлений (фантастич. жизнь мечтателя, парадоксальные сочетания противоположных идей-чувств в душе совр. человека). Эти новые тенденции творчества Д. одобрила через 10 лет критика: одним из самых поэтич. произв. рус. лит-ры назвала «Белые ночи» Е. Тур («Рус. речь», 1861, 5 нояб.), а, по мнению Григорьева, в «Неточке Незвановой» «поэт сентиментального натурализма сам сделал важный шаг к выходу из него» (РСл, 1859, № 5).

В кон. 1846 в отношениях Д. и Белинского наступило охлаждение, позднее возникает у него конфликт и с редакцией «Современника»: большую роль сыграли здесь мнительный, самолюбивый характер Д. Насмешки над писателем недавних друзей (особенно Тургенева, Некрасова), резкий тон критич. отзывов Белинского о его произведениях остро переживались писателем. «Петербург — ад для меня. Так тяжело, так тяжело жить здесь!» — пишет он брату (XXVIII, кн. 1, с. 127), жалуясь на плохое здоровье. Примерно в это время, согласно свидетельству доктора С. Д. Яновского (о том же пишут в восп. Ризенкампф и Григорович), у Д. появились первые симптомы эпилепсии (Д. в восп., I, 160). Тяготит Д. изнуряющий труд для «Отеч. зап.». «Не вижу жизни, некогда опомниться ..., — писал он в апр. 1847.— Тут бедность, срочная работа,— кабы покой!» (XXVIII, кн. 1, с. 141). Бедность вынуждала Д. браться за любую лит. работу (в частности, он редактировал статьи для «Справочного энц. словаря» А. В. Старчевского).

В 1846 Д. сближается с семьей Майковых, регулярно посещает лит.-филос. кружок бр. Ал. Н., А. Н. и Н. Н. Бекетовых, в к-ром главенствовал В. Майков, а пост, участниками были А. Н. Майков и А. Н. Плещеев — друзья Д. С марта-апр. 1847 Д. становится посетителем «пятниц» М. В. Буташевича-Петрашевского. В одном из секретных

документов III отделения об участии Д. в собраниях петрашевцев в 1849 сказано: «11-го, 25 марта и 1-го апреля был на собраниях и принимал участие 1-го апреля в прениях о трех вопросах: свобода книгопечатания, освобождение крестьян и преобразование судопроизводства ... 15 апреля ... читал в заседании письмо Белинского в ответ Гоголю» (см.: Достоевский, XVIII, 177). Зимой 1848—49 Д. посещал также кружок С. Ф. Дурова. В эти же годы сблизился с Н. А. Спешневым («Мефистофелем» Д.), одним из самых радикальных членов об-ва Петрашевского, и стал членом созданного им рев. кружка. Участвует в организации тайной типографии для печатания воззваний к крестьянам и солдатам. «Спешневцы» ставили своей конечной целью «произвести переворот в России».

Арест Д. произошел 23 апр. 1849 в доме по Вознесенскому пр., ныне пр. Майорова, 8/23; архив Д. при аресте был отобран и, вероятно, уничтожен в III отделении. 8 месяцев Д. провел в Алексеевском рavelине Петро-Павлов. крепости под следствием, во время к-рого проявил мужество, скрывая мн. факты и стремясь по возможности смягчить вину товарищей. Был признан следствием «одним из важнейших» среди петрашевцев, виновным в «умысле на ниспровержение существующих отеч. законов и гос. порядка» (см.: XVIII, 307). Первонач. приговор военно-судной комиссии гласил: «... отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, — лишить ... чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием» (XVIII, 189). 22 дек. 1849 Д. вместе с другими ожидал на Семёновском плацу исполнения смертного приговора («Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния... в ту минуту ... чрезвычайное большинство из нас почли бы за бесчестье отречься от своих убеждений ... Приговор смертной казни расстрелянием ... прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли ... десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти ... но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится!» — XXI, 133). По резолюции Николая I («На 4 года и потом рядовым») казнь была заменена Д. 4-летней каторгой с лишением «всех прав состояния» и последующей сдачей в солдаты. Ночью 24 дек. Д. в окопах был отправлен из Петербурга. 10 янв. 1850 прибыл в Тобольск, где в квартире смотрителя произошло свидание Д. с женами декабристов — П. Е. Анненковой, А. Г. Муравьевой и Н. Д. Фонвизиной; они подарили ему Евангелие, к-рое он хранил всю жизнь. «Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением ... они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас» (XXVIII, кн. 1, с. 169). С янв. 1850 по 1854 Д. вместе с Дуровым отбывал каторгу «чернорабочим» в Омской крепости. О своей жизни в остроге он писал брату Андрею: «...те 4 года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и зарыт в гробу ... Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела как камень у меня на душе» (XXVIII, кн. 1, с. 181). Но одновременно Д. с

воодушевлением писал: «И в каторге между разбойниками я отличил наконец людей есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото ... Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! ... На целые томы достанет» (XXVIII, кн. 1, с. 172; см. также: Д. в восп., I, 235—43). В янв. 1854 Д. был зачислен рядовым в 7-й линейный батальон (Семипалатинск) и смог возобновить переписку с братом Михаилом и А. Майковым. Весной 1854 он познакомился с губ. секр. А. И. Исаевым, жена к-рого Мария Дм. приняла горячее участие в судьбе Д., а в июне — с прокурором А. Е. Врангелем. В нояб. 1855 Д. произведен в унтер-офицеры, а после долгих хлопот Врангеля и др. сиб. и петерб. знакомых, в т. ч. героя Севастополя Э. И. Тотлебена, 1 окт. 1856 — в прапорщики; весной 1857 Д. было возвращено потомств. дворянство и право печататься, но полиц. надзор над ним сохранялся до 1875.

6 февр. 1857 Д. женился на овдовевшей М. Д. Исаевой, к-рая, по его словам, была «женщина души самой возвышенной и восторженной ... Идеалистка была в полном смысле слова ... и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок» (Д. в восп., II, 149). Брак не был счастливым: Исаева дала согласие после долгих колебаний, измучивших Д. («Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь» — XXVIII, кн. 1, с. 242), «пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была» (Врангель А. Е., Восп. о Д. в Сибири. 1854—1856 гг., СПб., 1912, с. 38).

В Сибири Д. начал работу над восп. о каторге (т. н. сиб. тетрадь — «моя тетрадка каторжная», содержащая фольклорные, этногр. и дневниковые записи, послужила источником для «Записок из Мертвого дома» и мн. др. книг Д.). В 1857 его брат напечатал рассказ «**Маленький герой**» (ОЗ, № 8), написанный Д. в Петропавлов. крепости. Создав две «провинциальные» комич. повести — «**Дядюшкин сон**» (РСл, 1859, № 3) и «**Село Степанчиково и его обитатели**» (ОЗ, 1859, № 11, 12), Д. вступил через посредство брата Михаила в переговоры с М. Н. Катковым, Некрасовым, А. А. Краевским. В «Селе Степанчикове...» автору были особенно дороги Фома Опискин и Ростанёв — «два огромных типич. характера, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных безукоризненно» и «сцены высокого комизма» (XXVIII, кн. 1, с. 326, 334). В этих «пробах пера» возвратившегося в лит-ру писателя явственно проступают черты «скандально-трагических» хроник позднего Д., а герои принадлежат к числу созданных Д. классич. типов. Однако совр. критика не оценила и обошла почти полным молчанием эти первые произв. «нового» Д.

18 марта 1859 Д. по прошению был уволен «по болезни» в отставку в чине подпоручика и получил разрешение жить в Твери (с воспрещением въезда в Петерб. и Моск. губ.). 2 июля 1859 с женой и пасынком уехал из Семипалатинска (в доме, где они жили в 1857—59, ныне ул. Достоевского, 118, открыт лит.-мемориальный музей). С сер. авг. 1859 — в Твери, где возобновил прежние лит. знакомства и завязал новые; постоянно переписывался с Плещеевым; его посещал брат Михаил, петрашевец В. А.

Головинский, С. Д. Яновский, Д. Д. Минаев. В нояб. 1859 шеф жандармов известил твер. губернатора о разрешении Д. жить в Петербурге, куда он приехал во 2-й пол. декабря (на «новоселье» были А. Майков, А. П. Милюков, Спешнее, — см.: ЛН, т. 86, с. 377). В сент. 1861 — 63 Д. жил на М. Мещанской ул. (ныне Казначейская, 1); в 1864—66 — там же, д. 7. В 1860 сближается на «вторниках» Милюкова с кружком литераторов ж. «Светоч», где он «был у всех на счету крупного писателя и первенствовал не только по своей известности, но и по обилию мыслей и горячности, с которою их высказывал» («Биография, письма и заметки из записной книжки Д.», СПб., 1883, с. 171). Здесь он встречался с Н. Н. Страховым и Григорьевым, вскоре ставшими гл. сотрудниками ж. «Время» (1861 — апр. 1863) и «Эпоха» (февр. 1864 — июнь 1865), изд. М. М. и Ф. М. Достоевскими. Благодаря гл. обр. интенсивной деятельности Д., сочетавшего пост. ред. работу над «чужими» рукописями (см.: Достоевский, III—IV, XVIII—XX, XXVII) с публикацией собств. статей, полемич. заметок, примечаний, а главное худож. произв., «Время» смогло успешно конкурировать с могущественным «Современником» и «Рус. вест.». Ром. **«Униженные и оскорбленные»** [«Время», 1861, № 1—7; анализ отзывов, в числе к-рых были краткий отзыв Н. Г. Чернышевского («Совр.», 1861, № 1) и статья Н. А. Добролюбова «Забитые люди» («Совр.», № 9; первый обстоит, обзор творч. пути Д. в рус. критике), а также письма Григорьева к Страхову (см.: Достоевский, III, 528—32)] — произв. переходное, своеобразное, возвращение на новой ступени развития к мотивам творчества 40-х гг., обогащенное опытом пережитого и пережитого в 50-е гг.; в нем очень сильны автобиогр. мотивы (в т. ч. восп. о Белинском). В то же время роман заключал в себе черты сюжетов, стиля и героев произв. позднего Д. Само название романа стало эмблемой «истинно гуманического» (Добролюбов) содержания рус. лит-ры 19 в. Огромный успех имели **«Записки из Мертвого дома»** («Рус. мир», 1860, 1 сент.; 1861, 4...25 янв.— Введение и гл. 1—4; полностью — «Время», 1861, № 4, 9—11; 1861, № 1—3, 5, 12). «Мой „Мертвый дом“ сделал букваль но фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию», — писал Д. Врангелю (XXVIII, кн. 2, с. 115).

О непреходящем и одновременно ист. содержании «Записок» писал А. И. Герцен, укаывая, что прошедшая «эпоха оставила нам одну страшную книгу ... к-рая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад: это „Мертвый дом“ Достоевского, страшное повествование, автор к-рого ... рисуя своей закованной рукой образы сотоварищей каторжников ... создал из описания нравов одной сибирской тюрьмы фрески в духе Буонаротти» (Герцен, XVIII, 219). «Записки» исключительно высоко оценили И. С. Тургенев, Н. С. Лесков и Л. Н. Толстой, утверждавший даже, что не знает «лучше книги изо всей новой лит-ры, включая Пушкина» (Толстой, LXIII, 24; анализ этих и др. отзывов см.: IV, 294—99).

В Сибири, по признанию Д., изменились «постепенно и после очень-очень долгого времени» его «убеждения». Суть этих перемен, отраженных в письмах 1856—57, Д. в самой общей форме сформулировал как «возврат к нар. корню, к узнанию рус. души, к признанию духа народного» (XXI, 134). В ж. «Время» и «Эпоха» братья Достоевские

выступали как идеологи «почвенничества» — специфич. модификации идей славянофильства, обусловленных характерными особенностями обществ.-лит. жизни России сер. 19 в. «Почвенничество» не представляло собой законч. и стройной доктрины. Это была скорее попытка очертить контуры «общей идеи», найти платформу, к-рая примирила бы западников и славянофилов, «цивилизацию» и нар. начало. Демокр. характер позиций Д.-почвенника, стремившегося к открытию нац. формул прогресса и просвещения отразился в **«Ряде статей о рус. лит-ре»** («Время», 1861, № 1, 2, 7, 8, 11) и др. публиц. работах. В кризисной ситуации 1861-63 Д. занимал независимую позицию, осуждал консервативно-охранит. курс Каткова, в полемике с к-рым порою солидаризовался с рев.-демокр. «Современником». Но, скептически относясь к рев. путям преобразования России и Европы, Д. высказывал эти сомнения в худож. произв., в программных статьях и объявлениях «Времени», в резкой полемике с публикациями «Современника». Суть возражений Д.— возможность после реформы сближения правительства и интеллигенции с народом, их мирного сотрудничества. Эти идеи Д. сформулировал в своих полит. заметках и записных тетрадях (см.: ХХ, 191—94, 175). В **«Зимних заметках о летних впечатлениях»** («Время», 1863, № 2, 3) Д. подверг острой критике всю систему социально-полит. учреждений Зап. Европы, вскрыл лицемерие и фальшь бурж. порядка и морали. Д. приходит к выводу о невозможности в совр. Зап. Европе осуществления идей социализма, так как «в природе ... западной» нет «братства», а господствует «начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления» (V, 79).

«Потребность братской общины»,— считает Д.,— сумела сохранить рус. народ, «несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников», т. к. она в натуре рус. человека. Поэтому именно в России возможно преобразование общества на братских, христ. основаниях. Этот утопич. идеал (в позднейшей терминологии Д. — «рус. социализм», «рус. решение вопроса») Д. противопоставляет совр. бурж.-позитивист. концепциям, остро полемизируя как с охранит. идеями Каткова, так и с теорией «разумного эгоизма» Чернышевского и «утилитарными» представлениями Добролюбова. Эту полемику Д. продолжает и в пов. **«Записки из подполья»** («Эпоха», 1864, № 1—2, 4) — филос.-худож. прелюдии к «идеологич.» романам писателя. Ретроспективно осмысляя гл. идею и характер «антигероя» повести, Д. писал: «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека рус. большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагич. сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости. Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!» (XVI, 329). Но содержание повести (к-рую В. В. Розанов считал «краеугольным камнем в лит. деятельности Д.» — Розанов, с. 50) не исчерпывается только драмой героя, оторванного от «почвы». В ней равно значительны «постыдные признания и гениальная диалектика» (там же, с. 31). Л. Шестов считал, что худож. диалектика, развернутая Парадоксалистом у последней Стены, «может быть свободно поставлена наряду с диалектикой какого угодно из признанных европ. философов, а по сложности

мысли ... едва ли многие из избранных человечества сравнятся с ним» (Шестов Л., На весах Иова, Париж, 1929, с. 43).

В июне 1862 Д. впервые выехал за границу; посетил Германию, Францию, Швейцарию, Италию, в Лондоне встретился с Герценом (знакомы с 1846; «Вчера был Достоевский — он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом в русский народ» — Герцен, XXVII, кн. 1, с. 247). Не раз встречался Д. с Герценом (и Н. П. Огарёвым) и позднее, но постепенно отношения между ними охлаждаются, и в произв. Д. все более видное место занимает полемика с идеями одного «из самых резких русских раскольников западного толку» (XXIII, 324). Идеи и облик Герцена, «человека высокоталантливого, мыслителя и поэта» (там же), сложно преломились в творчестве Д.: во всех его героях-«скитальцах» есть частица Герцена, а «бунтари» Д. часто черпают аргументы из высоко ценимых писателем книг «С того берега», «Былое и думы» (см.: XXI, 9). В авг. 1863 Д. вторично выехал за границу. В Париже он встретился с А. П. Суловой, драм. взаимоотношения с к-рой (1861—66) получили отражение в ром. «Игрок», «Идиот» и др. произв. В Баден-Бадене, увлеченный, по азартности своей натуры, игрой в рулетку, проигрывается «весь, совершенно, до тла» (XXVIII, кн. 2, с. 42); это многолетнее увлечение («проклятая фантазия») Д.— одно из преломлений его страстной натуры («везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил» — XXVIII, кн. 2, с. 207) — пост. сюжет писем Д. 60-х гг. В окт. 1863 он возвратился в Россию. До середины ноября жил с больной женой во Владимире, а в кон. 1863— апр. 1864— в Москве, наезжая по журн. делам в Петербург.

1864 принес Д. тяжелые утраты. 15 апр. умерла от чахотки Мария Дм. Д. исповедовался Врангелю: «... несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастич. характеру),— мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу» — XXVIII, кн. 2, с. 116 (ср. с исповедально-филос. записью 1864: «Маша лежит на столе...» — XX, 172—75). Личность Марии Дм., как и обстоятельства их «несчастной» любви, отразились во мн. произв. Д. (в частности, в образах Катерины Ивановны — «Преступление и наказание» и Настасьи Филипповны — «Идиот»). 10 июня умер М. М. Достоевский. Д. писал брату Андрею: «Этот человек любил меня больше всего на свете ... Все дела семейства *брата* в большом расстройстве. Разумеется, я теперь им слуга. Для такого брата я и голову и здоровье отдам» (XXVIII, кн. 2, с. 96). 26 сент. Д. присутствует на похоронах Григорьева (оценку Д. его личности см.: XX, 133— 37). Об этих катастрофах Д. так писал 31 марта 1865 Врангелю: «И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь преломилась разом надвое ... Стало все вокруг меня холодно и пустынно» (XXVIII, кн. 2, с. 116—17). После смерти брата Д. взял на себя издание отягощенного большим долгом и отстававшего на 3 месяца ж. «Эпоха»; ж-л начал выходить регулярней, но резкое падение подписки на 1865 вынудило Д. прекратить издание. Он остался должным кредиторам ок. 15 тыс. руб., к-рые смог выплатить лишь к концу жизни. Стремясь

обеспечить условия для работы, Д. заключил кабальный контракт с Ф. Т. Стелловским на издание собр. соч. и обязался написать для него новый роман к 1 нояб. 1866.

Весной 1865 Д.— частый гость семьи ген. В. В. Корвин-Круковского, старшей дочерью к-рого А. В. Корвин-Круковской он был сильно увлечен (см.: Ковалевская С. В., Восп. Повести, М., 1974, ук.). В июле он выехал в Висбаден, откуда осенью предложил Каткову повесть для «Рус. вест.», впоследствии переросшую в роман. Летом Д. находился в Москве и на даче в сельце Люблино, поблизости от семьи сестры Веры Мих. «Дни и вечера ... проводил с молодежью ... чрезвычайно просто держался с молодой компанией, был первым затейником всяких развлечений и проказ» (Д. в восп., I, 363), а ночами писал ром. «**Преступление и наказание**» (РВ, 1866, № 1, 2, 4, 6—8, 11—12).

«Психологический отчет одного преступления» стал сюжетной канвой романа, гл. мысль к-рого Д. контурно очертил так: «Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он — кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям...» (XXVIII, кн. 2, с. 137). Таков итог хождений по мукам гордого, обособившегося «убийцы-теоретика», совр. «Наполеона», героя эпохи, «когда помутилось сердце человеческое». Нравств. терзания несостоявшегося «властелина судьбы» сложно соотносятся с трагедией «униженных и оскорбленных», всей этой «твари дрожащей», по терминологии отрезавшего себя от мира Раскольникова. Точно и многогранно изображены в романе Петербург и «текущая действительность», богатство социальных характеров, «целый мир сословных и профессиональных типов» (Л. П. Гроссман), но это действительность преображенная и открытая художником, взгляд к-рого проникает до самой сердцевины вещей. В многомерном худож. пространстве романа сталкиваются разл. «голоса», идеи, теории, к-рыми виртуозно дирижирует «невидимый» автор, стремящийся к одной, но всеобъемлющей цели: «При полном реализме найти в человеке человека ... Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (XXVII, 63). Напряженные филос. диспуты, пророч. сны, исповеди и кошмары, гротескно-карикатурные сцены, естественно переходящие в трагические, символич. встречи героев, апокалиптич. образ призрачного города органично сцеплены в романе Д., в к-ром захватывает «сила и свобода светлой мысли» (Анненский И. Ф., Книга отражений, М., 1979, с. 184). Роман, по словам самого Д., «удался чрезвычайно» и поднял его «репутацию как писателя» (XXVIII, кн. 2, с. 156). Он был высоко оценен Тургеневым, Ф. И. Тютчевым, Огарёвым, А. Майковым и др. современниками. Однако в целом ряде критич. выступлений демокр. и либеральной печати (в т. ч. Г. З. Елисеева — «Совр.», 1866, № 2) роман был узко охарактеризован как «тенденциозное» произведение, направленное против разночинной молодежи. Наиболее значит, разборы романа в тогдашней критике — статьи Д. И. Писарева («Дело», 1867, № 5; 1868, № 8) и Страхова (ОЗ, 1867, № 2—4). Об этих и др. отзывах современников см.: Достоевский, VII, 345—56.

В 1866 истекающий срок контракта с издателем вынудил Д. одновременно работать над двумя романами — «Преступление и наказание» и «Игрок». «Так я писал,— признавался Д. в 1864,— и всю мою жизнь, так писал все, что издано мною, кроме повести „Бедные люди“ и некоторых глав из „Мертвого дома“ . Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание сидело еще в моей голове, но непременно должно было написаться к завтраму» (XX, 133). Д. прибегает к необычному способу работы: 4 окт. 1866 к нему приходит стенографистка А. Г. Сниткина (см.: *Достоевская А. Г.*); он начал диктовать ей ром. «Игрок» (ПСС, т. 3, СПб., 1866), в к-ром отразились впечатления Д. от знакомства с Зап. Европой. В центре романа столкновение «многообразного, но во всем недоконченного, изверившегося и не смеющего не верить, восстающего на авторитеты и боящегося их» «заграничного русского» с «законченными» европ. типами (французами, немцами, англичанами). Главный герой — «поэт в своем роде, но дело в том, что он сам стыдится этой поэзии, ибо глубоко чувствует ее низость, хотя потребность риска и облагораживает его в глазах самого себя» (XXVIII, кн. 2, с. 50, 51).

Зимой 1867 Сниткина становится женой Д. «Новая женитьба скоро доставила ему в полной и даже необычайной мере то семейное счастье, которого он так желал»,— свидетельствует Страхов (Д. в восп., II, 315). С сер. апр. 1867 до июля 1871 Д. с женой живет за границей (Берлин, Дрезден, Баден-Баден, Женева, Веве, Милан, Флоренция). Там 22 февр. 1868 родилась дочь Софья, внезапную смерть к-рой (май того же года) Д. тяжело переживал. 14 сент. 1869 родилась дочь Любовь (см. *Достоевская Л. Ф.*); позже в России 16 июля 1871 — сын Фёдор; 12 авг. 1875 — сын Алексей, умерший в трехлетнем возрасте от припадка эпилепсии.

В 1867—68 Д. работал над ром. «**Идиот**» (РВ, 1868, № 1, 2, 4—12). «Идея романа,— указывал Д.,— моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь ... Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы — еще далеко не выработался» (XXVIII, кн. 2, с. 251). «Теория практического христианства» Мышкина — вызов основам и этике сословного, лицемерного и несправедливого общества. «Дело» князя — это слово, к-рое «пастырь добрый» («Князь Христос») несет людям, проповедь сострадания («главнейший и, может быть, единственный закон бытия»), прощения, милосердия, братства. Однако надежды князя рушатся: его крестный «брат» Рогожин становится убийцей; под ножом гибнет Настасья Филипповна («красота»); ненавистью отвечает ему «подпольный» Ипполит Терентьев. Великой духовной и нравств. силы герой погружается в безумие. Таков итог встречи идеального героя с «многосоставными» людьми бездуховного, «химически» разлагающегося общества. Он,— замечал Д.,— «только прикоснулся к их жизни. Но то, что бы он мог сделать и предпринять, то все умерло с ним ... Но где только он ни прикоснулся — везде он оставил неисследимую черту» (IX, 242).

М. Е. Салтыков-Щедрин, язвит. оппонент и идеологич. противник писателя, единственный из критиков-современников сумел глубоко понять осн. худож. идею романа, который «по глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им ... стоит у нас совершенно особняком ... не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвещаний и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества» (ОЗ, 1871. № 4, с. 302; анализ др. отзывов современников см.: Достоевский, IX, 410—20).

Одновременно Салтыков-Щедрин упрекнул Д. в том, что он «сам подрывает свое дело, выставляя в позорном виде людей, которых усилия всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль автора», в результате чего в его произведениях рядом с «лицами, полными жизни и правды», являются «какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева...» (Салтыков-Щедрин, IX, 413).

Эта тенденция получила развитие в ром. «Бесы», к к-рому Д. приступил, прервав работу над широко задуманными эпопеями «Атеизм» и «Житие великого грешника» и наскоро сочинив «повестушку» «**Вечный муж**» («Заря», 1870, № 1—2). Еще в 1867 в Женеве Д. напряженно присматривается к рев. эмиграции, посещает заседание Лиги мира и свободы, на к-ром выступал М. А. Бакунин. Непосредств. толчком к созданию романа послужило «нечаевское дело». Деятельность тайного об-ва «Народная расправа», убийство пятью членами орг-ции слушателя Петров. земледельч. академии И. И. Иванова — вот события, легшие в основу «**Бесов**» и получившие в романе глубокую и сложную филос.-психол. интерпретацию (РВ, 1871, № 1, 2, 4, 7, 9—11; 1872, № 11, 12). Внимание Д. привлекли обстоятельства убийства, идеологич. и организац. принципы террористов (т. н. «Катехизис революционера»), фигуры соучастников преступления, личность руководителя об-ва С. Г. Нечаева. В процессе работы над романом замысел многократно видоизменялся. Первоначально — это непосредств. отклик на события. «На вещь, которую я теперь пишу ... сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь», — подчеркнул Д. публиц. характер романа в письме к Страхову от 24 марта 1870 (XXIX, кн. 1, с. 111—12). Рамки памфлета в дальнейшем значительно расширились, не только нечаевцы, но и деятели 60-х, либералы 40-х гг., Т. Н. Грановский, петрашевцы, Белинский, В. С. Печерин, Герцен, даже декабристы и П. Я. Чаадаев попадают в гротескно-трагич. идеологич. пространство романа.

Постепенно роман, задуманный как инвектива против западнич. либеральной дворян, интеллигенции и рус. рев. движения, перерастает в критич. изображение общей «болезни», переживаемой Россией и Европой, ярким симптомом к-рой являются «бесовство» Нечаева и нечаевцев. В центре романа, в его филос.-идеологич. фокусе помещаются не зловещий «мошенник» Пётр Верховенский (Нечаев), а загадочная и

демонич. фигура «все позволившего» себе Николая Ставрогина («злодей ... лицо трагическое ... характер, редко являющийся во всей своей типичности, но это характер русский ... Я из сердца взял его»), либерал-идеалист, прозревший перед смертью «отец» нигилиста Степан Трофимович и герои-идеологи, к-рых «съела» и «придавила» идея (теория «народа-богоносца», философия человекобога, шигалевщина). Совр. критика, в сущности; прошла мимо сложной филос. проблематики романа, резко реагируя преим. на антинигилистические его страницы (наиболее значительны статьи Н. К. Михайловского — ОЗ, 1873, № 2, и П. Н. Ткачёва — «Дело», 1873, № 3, 4; о них и др. отзывах см.: XII, 257—72). 20 в. признал необыкновенную точность худож. диагнозов и прогнозов Д. Определяя роман как символич. рус. трагедию, С. Н. Булгаков подчеркивал, что она «имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе такое зерно бессмертной жизни, луч немеркнущей истины, какие имеют все великие и подлинные трагедии, тоже берущие для себя форму из исторически ограниченной среды, из определенной эпохи» (Булгаков С., Рус. трагедия. РМ, 1914, № 4, с. 3).

В июле 1871 Д. с женой и дочерью возвратились в Петербург. Поселились сначала в гостинице, а потом в мебелиров. комнатах по Екатерингофскому пр. (ныне пр. Римского-Корсакова, 3). Зимой 1873 Д. переехал на Литовский пр. (ныне д. 25), где жил до мая 1874; с сент. 1875 до сер. мая 1878 — в Греческом пр. (ныне д. 6), а с окт. 1878 и до смерти — в Кузнечном пер., 5/2 (ныне лит.-мемориальный музей-квартира). Лето 1872 Д. с семьей провел в Старой Руссе (Новгород, губ.); этот город стал пост, местом летнего пребывания семьи. В 1876 он приобрел здесь дом (ныне лит.-мемориальный музей — см.: Рейнус Л. М., Д. в Старой Руссе, 2-е изд.. Л., 1971).

В 1872 Д. посещает «среды» кн. В. П. Мещерского, сторонника «контрреформ» и издателя газеты-журнала «Гражданин». Здесь он встречается с К. П. Победоносцевым, с к-рым переписывался и общался в последние годы жизни. Победоносцев стремился использовать талант Д. в полит. целях (КА, 1922, т. 2, с. 252), пытался «руководить» публицич. деятельностью писателя и в то же время с явным неодобрением относился к демокр. и «бунтарским» мотивам в худож. произв. Д. (об идейных и личных отношениях Д. и будущего обер-прокурора Синода, вдохновителя полит. реакции 80—90-х гг., см.: ЛН, т. 15, с. 83—150). По просьбе издателя, поддержанный А. Майковым и Тютчевым, Д. в дек. 1872 соглашается принять на себя редакторство «Гражданина», заранее оговорив, «что берет на себя эти обязанности временно, в виде отдыха от художественной работы и ради возможности ближе ознакомиться с текущей действительностью» (Достоевская А. Г., Восп., М., 1981, с. 253). В «Гражданине» (1873) Д. осуществил давно задуманную идею «Дневника писателя» (цикл очерков злободневно-полит., лит. и мемуарного характера, объединенных замыслом непосредственного, личного общения с читателем), опубл. ряд статей и заметок (в т. ч. полит. обзоры «Иностр. события»). В письме к М. П. Погодину от 26 февр. 1873 Д. обрисовал редакторские будни: «Секретаря у нас нет ... Перечитывать статьи берет огромное время и расстраивает мое здоровье, ибо чувствую, что отнято время от

настоящего занятия. Затем, имея статью и решив напечатать — переправлять ее с начала до конца ... все время мое занято журналом...» (XXIX, кн. 1, с. 262). Скоро Д. начал тяготиться ред. работой, все более резкий характер принимали и столкновения с Мещерским, очевиднее стала невозможность превратить еженедельник в «орган людей с независимым убеждением» (XXI, 369). Весной 1874 Д. отказался от редакторства, хотя эпизодически сотрудничал в «Гражданине» и позднее. В связи с ухудшением здоровья (усилившейся эмфиземой легких) Д. по совету проф. Д. И. Кошлакова в июне 1874 уезжает для лечения в Эмс (совр. Бад-Эмс; повторял поездки туда в 1875, 1876 и 1879). В сер. 70-х гг. возобновились отношения Д. с Салтыковым-Щедриным, прервавшиеся в разгар полемики между «Эпохой» и «Современником», и с Некрасовым, по предложению к-рого (апр. 1874) Д. печатает в «Отеч. зап.» свой новый ром. **«Подросток»** (ОЗ, 1875, № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12) — «роман воспитания», своего рода «Отцы и дети» Д. («Я давно уж поставил себе идеалом написать роман о рус. теперешних детях, ну и конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Пока я написал лишь «Подростка» — эту первую пробу моей мысли. ... Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и „случайность“ свою и тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли, уже лелеет его в сердце своем, любит его еще в стыдливых, но уже дерзких и бурных мечтах своих...» — Достоевский, XXII, 7—8).

Личность и мировоззрение героя формируются в обстановке «всеобщего разложения» и распада устоев общества, в борьбе с соблазнами века («идея Ротшильда» и др.). В исповеди Подростка анализируется сложный, противоречивый, хаотичный процесс становления личности в «безобразном» и утратившем «нравственный центр» мире, медленное вызревание новой «идеи» под мощным влиянием «великой мысли» скитальца Версилова и философии жизни «благообразного» странника Макара Долгорукого («отцов»), И здесь Д. не отказался от публицистичности, но она не получила в «Подростке» преобладающего и тем более памфлетного характера (полемика с «социализмом» переведена в общепилос. плоскость и в осн. чертах повторяет аргументы Парадоксалиста в «Записках из подполья»), что сказалось на изменении отношения к Д. как демокр., так и консервативной критики: Ткачѳв в ж. «Дело» (1876, № 4—8) назвал Д. «одним из первокласснейших художников нашего времени», и, напротив, пост. сотр. «Рус. вест.» В. Г. Авсеенко бросил Д. упрек в безнравственности («Рус. мир», 1875, 27 февр.; о др. откликах см.: Достоевский, XVII, 345—60).

В кон. 1875 Д. вновь возвращается к публиц. работе — «моножурнал» **«Дневник писателя»** (1876 и 1877), имевший большой успех и позволивший Д. вступить в прямой диалог с читателями-корреспондентами (см.: XXV, 306—15; XXI, 350—58). В письме к Л. А. Ожигиной (от 17 дек. 1877) Д. признавался: «... много доставил мне этот „Дневник“ счастливых минут ... Я получил сотни писем изо всех концов России и научился многому, чего прежде не знал. Никогда и предположить не мог я прежде, что

в нашем обществе такое множество лиц, сочувствующих вполне всему тому, во что я верю» (XXIX, кн. 2/ с. 178). Д. так определял характер издания: «„Дневник писателя“ будет похож на фельетон, но с тою разницею, что фельетон за месяц естественно не может быть похож на фельетон за неделю Я не летописец: это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, т. е. отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично...» (Письма, III, 201—02). «Дневник» 1876— 77 — ориг. сплав публиц. статей, очерков, фельетонов, «антикритик», мемуаров и худож. произв. (рассказы «**Мальчик у Христа на елке**», «**Мужик Марей**», «**Столетняя**», «**Приговор**», «**Сон смешного человека**» и «фантастич. рассказ» «**Кроткая**», о к-ром Щедрин сказал, что «таких жемчужин немного во всей европейской литературе»,— Салтыков-Щедрин в восп., II, 262). В «Дневнике» преломились непосредственные, по горячим следам, впечатления и мнения Д. о важнейших явлениях европ. и рус. обществ.-полит. и культурной жизни, волновавшие Д. юридич., социальные, этико-пед., эстетич. и полит. проблемы (в т. ч. восточный и славянский вопросы в свете событий рус.-тур. войны 1877—78). Большое место в «Дневнике» занимают футурологич. суждения Д.— попытки увидеть в совр. хаосе контуры «нового создания», основы «складывающейся» жизни, предугадать облик «наступающей будущей России честных людей, которым нужна лишь одна правда» (XXV, 57).

Страстная критика бурж. Европы, глубокий анализ состояния пореформенной России парадоксальным и вместе с тем исторически знаменным образом сочетаются в «Дневнике» с полемикой против разл. течений социальной мысли 1870-х гг., от консервативных утопий — до народнич. и социалистич. идей. Гуманистич. и демокр. позиция Д. («Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских ... будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» — XXII, 31), его вера в будущее торжество подлинных идеалов братства («царство мысли и света» — там же) в России и Зап. Европе предопределили сочувств. отношение к «Дневнику» критиков народнич. направления (особенно к первым выпускам) и снискали ему симпатии многочисл. читателей в разл. слоях рус. общества. В то же время религ.-монархич. идеи Д.— полит. публициста вызвали резкую критику народнич. и либеральной прессы, острые возражения демократически настроенных читателей и, наоборот, были одобрительно встречены консервативными кругами (о полемике вокруг «Дневника» см.: XXII, 288—306; XXV, 339—50). «Дневник» имел огромный успех. Он, как писал В. П. Буренин, «был таким оригинальным» и «таким глубоко искренним изданием», что «приобрел себе самые живые симпатии ... в нашей периодич. лит-ре немного насчитается изданий, могущих по внутреннему интересу конкурировать с этим маленьким журналом, издававшимся одним лицом, без помощи каких бы то ни было сотрудников» (НВ, 1878, 20 янв.).

В последние годы жизни возрастает популярность Д. В дек. 1877 он был избран чл.-

корр. Петерб. АН. В мае 1879 Д. пригласили на Междунар. лит. конгресс в Лондон, на сессии к-рого он был избран чл. поч. к-та междунар. лит. ассоциации. Активно участвует Д. в деятельности Петерб. Фребелевского об.-ва. Часто выступает на лит.-муз. вечерах и утренниках с чтением отрывков из своих произв. и стих. Пушкина (см.: Д. в восп., II; ЛН, т. 86; «Достоевский. Мат-лы и иссл.», в. 1, 4). Посещает «пятницы» Я. П. Полонского, «субботы» у Е. А. Штакеншнейдер, вечера у П. А. Гайдебурова, А. С. Суворина, К. Н. Бестужева-Рюмина, но чаще всего лит. салон вдовы А. К. Толстого С. А. Толстой. Среди близких Д. в эти годы людей — И. С. Аксаков, публицистка О. А. Новикова. Дружеские отношения устанавливаются у Д. с ген. М. Г. Черняевым, пред. Георгиевской общины графиней Е. А. Гейден, в кон. 1880 при энергичном посредничестве Победоносцева он был на приеме у наследника в Аничковом дворце, встречался с его женой и вел. кн. Конст. Конст. (К. Р.).

Знаменательно, однако, наличие в те же годы совсем иных связей, подчеркивавших сложность общественной позиции писателя. В январе 1877 Д. под впечатлением «Последних песен» Некрасова навещает умирающего поэта, часто видится с ним в ноябре; 30 дек. произносит речь на похоронах Некрасова, к-рая произвела огромное впечатление на слушателей [«... Достоевский своим проникновенно-пророческим ... голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из „господ“. Придет время, и оно близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа ... Мне долго потом вспоминались слова Достоевского, именно как предсказание близости глубокого социального переворота, как своего рода пророчество о народе, грядущем на арену истории», — вспоминал В. Г. Короленко (VI, 199)]. «Инцидент», происшедший на похоронах Некрасова во время речи Д. (см. об этом: Некрасов в восп., с. 492), и освещение его либеральными публицистами (А. М. Скабичевский и др.) побудили Д. «выразить подробнее» свой взгляд «на такое замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и в нашей поэзии, каким был Некрасов...» (XXVI, 113).

Публиц. и худож. деятельность Д. требовала непосредств. знакомства с «живой жизнью». Он посещает (при содействии А. Ф. Кони) колонии малолетних преступников (1875) и Воспитат. дом (1876), принимает горячее участие в судебном деле мещанки Корниловой. В 1878 после смерти любимого сына Алёши совершает поездку в Оптину пустынь, где беседует со старцем Амвросием. Особенно волнуют Д. рев. события в России. В марте 1878 Д. находится на процессе Веры Засулич в зале Петерб. окружного суда, а в апреле отвечает на письмо студентов, просивших высказаться по поводу избиения лавочниками участников студенч. демонстрации; 22 февр. 1880 присутствует на казни И. О. Млодецкого, стрелявшего в М. Т. Лорис-Меликова (см.: ЛН, т. 86, с. 137; «Достоевский. Мат-лы и иссл.», в. 4, с. 275).

Интенсивные, многообразные и часто острые контакты с окружающей действительностью, активная публиц. и обществ. деятельность служили многосторонней подготовкой к новому этапу творчества Д. В «Дневнике писателя»

вызревали и опробовались идеи и сюжет его последнего романа. В кон. 1877 Д. объявил о прекращении «Дневника» в связи с намерением заняться «одной художественной работой, сложившейся ... в эти два года издания „Дневника“ неприметно и невольно» (XXVI, 126).

«**Братья Карамазовы**» (РВ, 1879, № 1, 2, 4—6, 8—11; 1880, № 1, 4, 7—11) — итоговое произв. Д., в к-ром гениальное худож. воплощение получили мн. идеи творчества писателя. Знаменательны слова Д. в письме от 28 июля 1879 В. Ф. Пуцковичу: «Никогда ни на какое сочинение мое не смотрел я серьезнее, чем на это». История Карамазовых, как указывал Д., — это не просто семейная хроника, а типизированное и обобщенное «изображение нашей совр. действительности, нашей совр. интеллигентской России», эпич. произв., повествующее о прошедшем («отцы»), настоящем («дети») и будущем («мальчики») России. Органич. сплав «жития» и «романа», филос. «поэм» и «поучений», исповедей, идеологич. диспутов и судебных речей определил неповторимое жанровое своеобразие «Братьев Карамазовых». Философия и психология «преступления и наказания», дилемма «социализма и христианства», извечная борьба «божьего» и «дьявольского» в душах людей, традиционная для классич. рус. лит-ры тема «отцов и детей» — такова филос. и нравств.-психол. проблематика романа. Еще в Сибири Д. лично осознал как главный и трагич. конфликт века — борьбу между жаждой веры и неверием: «...я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» (XXVIII, кн. 1, с. 176). Этими трагич. сомнениями, метаниями между верой и бунтом против Бога и «мира, им созданного», Д. наделил почти всех своих героев-идеологов, но наивысшего эмоц.-филос. напряжения, вселенского масштаба они достигают в 5-й кн. «Братьев Карамазовых», «Pro u contra» — гл. «Бунт» и «поэмке» Ивана о Великом инквизиторе. Полемизируя с либеральными критиками романа, Д. утверждал, что им «и не снилось такой силы отрицания Бога, какое положено в Инквизиторе и в предшествовавшей главе, которому ответом служит весь роман». «И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не было ... через большое горнило сомнений моя осанна прошла, как говорит у меня же, в том же романе, черт» (XXVII, 48, 86). И хотя «опровержением» бунтарских идей Ивана действительно послужил «весь роман», а не только поучения старца Зосимы (см. об этом в кн.: Ветловская В. Е., Поэтика романа «Братья Карамазовы», Л., 1977), симптоматично, что Победоносцев был смущен силой, с к-рой в романе устами Ивана «отрицается ... создание божие, мир божий и смысл его». Опровержение, видимо, мало удовлетворило Победоносцева, не говоря уже о К. Н. Леонтьеве, который вообще осудил «розовое христианство» Д.

В «Братьях Карамазовых», как и в др. романах Д., с исключит. полнотой и худож. силой изображены картины рус. жизни 60-70-х гг. и типы рус. людей — результат постоянного и интенсивного изучения писателем «текущей действительности», преображенной в духе «фантастич. реализма» Д.: уголовное преступление связано

здесь с великими мировыми «вопросами» и вечными худож.-филос. темами. Еще до завершения публикации роман вызвал множество читат. и критич. отзывов. «Роман читают всюду, пишут мне письма, читает молодежь, читают в высшем обществе ... и никогда еще, по произведенному кругом впечатлению, я не имел такого успеха» (Письма, IV, 121). Даже пост, оппоненты Д., критики народнич. и либерального направлений, осуждая «мистические» и полит. мотивы (М. А. Антонович, Михайловский, Скабичевский), отмечали высокие худож. достоинства произв. Во многих отзывах подчеркивалась тесная связь романа с злободневными нравств.-филос. проблемами; так, Буренин писал: «Несмотря на исключительность характеров, рисуемых автором ... в них отражаются самые осн. стороны рус. жизни с ее своеобразными обществ. и умств. искажениями, порожденными глубокой внутр. ломкой ее общего строя и тревожными порывами к самосознанию...» (НВ, 1879, 9 марта). О глубоком впечатлении, произведенном романом, говорят эмоц. дневниковые и эпистолярные признания современников. «После „Карамазовых“ ... несколько раз я с ужасом оглядывался кругом и удивлялся, что все идет по-старому, а что мир не перевернулся на своей оси», — писал И. Н. Крамской 14 февр. 1881 П. М. Третьякову (Крамской И. Н., Письма. Статьи, т. 2, М., 1966, с. 60; о др. критич. откликах см.: Достоевский, XV, 487—513). Восторженно относился к роману И. П. Павлов.

22 мая 1880 Д., как депутат от Слав. благотворит. об-ва, уезжает в Москву на открытие памятника Пушкину. 6 июня участвует в церемонии открытия памятника и на лит. празднестве читает монолог Пимена («Борис Годунов»), 8 июня на 2-м публичном заседании ОЛРС произносит речь, встреченную с необыкновенным энтузиазмом слушателями (см.: Д. в восп., II; ЛН, т. 86). Речь Д. о Пушкине (**<Пушкин>**; напечатана в «Дневнике писателя» за 1880) — завещание, исповедание веры Д., развитие заветной мысли, высказанной еще в цикле «Ряд статей о рус. лит-ре»: «Для всех русских он живое уяснение, во всей художественной полноте, что такое дух русский, куда стремятся все его силы и какой именно идеал рус. человека ... Мы поняли в нем, что рус. идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность. В явлении Пушкина уясняется нам даже будущая наша деятельность» (XVIII, 69). В речи о Пушкине, буквально пронизанной злободневными мотивами, Д. особо выделил «всецелость» как высшее выражение рус. идеала: «...Назначение рус. человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком...» (XXVI, 147). Огромное впечатление на слушателей произвели слова Д. о «рус. скитальце», к-рому «необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится...» (XXVI, 137; о восприятии речи, полемике вокруг нее и ответе писателя А. Д. Градовскому см.: XXVI, 459—69, 475—91).

В янв. 1881 Д. выступает на заседании совета Слав. благотворит. об-ва (ПЗ, 1881, № 2), работает над первым выпуском возобновленного «Дневника писателя», разучивает роль схимника в «Смерти Иоанна Грозного» А. К. Толстого для дом. спектакля в салоне С. А. Толстой, принимает решение «неприменно участвовать в пушкинском вечере» 29

января. Он собирался «издавать „Дневник писателя“ ... в течение двух лет, а затем мечтал написать вторую часть „Братьев Карамазовых“, где появились бы почти все прежние герои...» (Достоевская А. Г., Восп., с. 371). В ночь с 25 на 26 января у Д. пошла горлом кровь. Днем 28 янв. Д. попрощался с детьми, в 8 ч. 38 мин. вечера он скончался. 31 янв. 1881 при огромном стечении народа состоялись похороны Д. (Достоевская А. Г., Воспоминания; ЛН, т. 86, с. 336—43; «Д. и его время»; «Достоевский. Мат-лы и иссл.», в. 1, с. 285—304).

Еще в 1846 Белинский пророчески писал, что Д. «суждено играть в нашей литературе одну из таких ролей, какие даются слишком немногим» (Белинский, IX, 408). Творчество Д. стало эпохой в развитии не только русской, но и мировой лит-ры, переворотом, к-рый часто сравнивают с открытиями А. Эйнштейна в науке. Огромно воздействие Д. на культурно-идеологич. жизнь 20 в., на эволюцию худож.-филос. мысли человечества. Сильное и многообразное влияние Д. испытали мн. выдающиеся писатели современности. «Достоевский сделал дух, то есть последнюю смысловую позицию личности, предметом эстетич. созерцания ... Он продвинул эстетич. видение вглубь, в новые глубинные пласты, но не в глубь бессознательного, а в глубь-высоту сознания»,— так определяет, опираясь на опыт многочисл. интерпретаций творчества Д., суть открытия, им совершенного, М. М. Бахтин в кн. «Эстетика словесного творчества» (М., 1979, с. 313).

Эстетич. суждения Д., рождавшиеся в процессе творчества и в полемике с критиками-оппонентами, свидетельствуют о том, что писатель отчетливо понимал свое особое положение в совр. ему рус. и европ. лит-ре. Часто это одновременно и декларация высших духовных задач, великой миссии иск-ва в жизни человечества: «Вся действительность не исчерпывается насущным, ибо огромною своею частью заключается в нем в виде подспудного, невысказанного будущего слова. Изредка являются пророки, которые угадывают и высказывают это цельное слово. Шекспир — это пророк, посланный богом, чтобы возвестить нам тайну о человеке, душе человек<еской>» (XI, 237). Таким пророком в России, по глубокому убеждению Д., был Пушкин — идеал, с к-рым он неизменно соотносил собственную художественную деятельность, противопоставляя ее т. н. реализму «типичников».

Реализм Д.— иск-во, в основе к-рого — неутолимая жажда идеала; постижение красоты мира, таинственного и неуловимого, т. к. «бесконечно только одно будущее, вечно зовущее, вечно новое, и там тоже есть свой высший момент, которого нужно искать и вечно искать, и это вечное искание и называется жизнью...» (XVIII, 97). Свой реализм Д. назвал «фантастическим» и находил, что только таким он и должен быть в «фантастическую» эпоху всеобщего распада связей, «химического разложения» общества. «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве),— признавался Д.,— и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительности. Обыденность явлений и казенный взгляд на них по-моему не есть еще реализм, а даже

напротив» (Письма, II, 169). «И если в этом хаосе, в котором давно уже, но теперь особенно пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити? У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть, необходимо, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах ... Кто хоть чуть-чуть может определить и выразить законы и этого разложения, и нового созидания?» (XXV, 35) — вот вопросы, обусловившие направление деятельности Д. как историка современной жизни, «одержимого тоской по текущему», в кромешной тьме и хаосе пытающегося разглядеть контуры будущего «нового» мира. Худож. мир Д. тревожен и катастрофичен. Это целая вселенная, населенная героями-идеологами, скитальцами, бунтарями, праведниками, носителями «высшей мысли» и теоретиками, к-рых «съела» или «придавила» идея. Стремление к изображению «всех глубин души» человеческой неотделимо у Д. от тезиса о «неисследимости» человеческой природы, понимания сложной структуры личности совр. человека (феномен «двойничества»), навсегда утратившего прежнюю «патриархальную» ясность и цельность мироощущения. Отсюда пристальный и постоянный интерес Д. к «капризным» и парадоксальным явлениям психики (теория «самовольного хотения» и др.), к странным и невероятным поступкам, к-рые, однако, глубоко, изнутри, «антропологически» и характерологически мотивированы. Объектом творчества Д. преим. является «многосоставный» человек, эксцентричный, «больной», оторвавшийся от «почвы», к-рый в отличие от людей прежних, добурж. времен «нервнее, развитие, сенситивнее, как-то о двух, о трех идеях зараз». «Многосторонность» ощущений, сосуществование и слияние (взаимопроникновение) полярных чувств-идей — характерная черта большинства героев Д. Подвижная, открытая, принципиально адогматичная худож. мысль Д. нацелена на разгадку скрытых душевных течений, на постепенное и фактически бесконечное приближение к внутр. сущности личности («Не забудем,— указывал Д., предостерегая от чересчур поспешных выводов,— что причины действий человеческих обыкновенно бесчисленно сложнее и разнообразнее, чем мы их всегда потом объясняем, и редко определенно очерчиваются» — VIII, 402).

Исповеди героев Д., с неодолимой силой жаждущих «правденской правды», как бы ужасна она ни была, органично слиты с вековыми и «проклятыми» вопросами, поставленными у «последней стены» и настоятельно требующими ответа. Героям Д. непременно надо «мысль разрешить», у них «логический вывод обращается ... в сильнейшее чувство, которое захватывает все существо...» (XIII, 46). Теории, мировоззрения, образы идей сведены в произв. Д. в роковом поединке. В каждом из «идеологических романов» (термин Б. М. Энгельгардта) это противостояние составляет ядро худож. конфликта, а «идея приобретает противоречивую сложность и живую многогранность идеи-силы, рождающейся, живущей и действующей в большом диалоге эпохи и перекликающейся с родственными идеями других эпох» (Бахтин М., Проблемы поэтики Достоевского, 4-е изд., М., 1979, с. 102).

В то же время в «диалогоизированном» творчестве Д. исключительно велика роль авт. точки зрения, к-рая является в конечном счете определяющей и торжествующей, хотя она и не навязывается прямо, публицистически, а сложным, диалектическим, иногда «прикровенным» образом художественно проводится и утверждается. «Голос» автора частично сливается с «голосами» участвующих в диалоге героев и хроникеров-повествователей, но это не приводит к холодному объективизму и безбрежному «плюрализму». Напротив, очевидно субъективное, личное страстное начало в творчестве Д. (художника и публициста), к-рый не представлял себе подлинного иск-ва без «нравств. центра», без выстраданных писателем идей и идеалов: «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличное же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит» (ЛН, т. 83, с. 610).

Расцвет творчества Д. пал на 60—70-е гг. 19 в., время острых обществ.-идеологич. и классовых конфликтов в России и Зап. Европе. Д. начинал как социалист, революционер-петрашевец. На каторге, по его собств. словам, он пережил процесс «перерождения убеждений» и возвращения на нар. почву, к нац. истокам и корням. Этот процесс, многослойный и противоречивый, получил отражение и в творчестве Д., хотя эволюция Д.-художника, тесно связанная с мировоззренч. переменами, к ним не сводится. Д., особенно в поздней публицистике («Дневник писателя»), в к-рой консервативные и утопия, элементы его мировоззрения выразились в наиб. «монологичной» и обнаженной форме, выступал противником как обуржуазивания, так и рев. изменения «лика» России. Им он противопоставлял почвеннич. программу «рус. социализма», уповая на мирное, согласное с нац. традициями, преобразование России под эгидой «земского царя», действующего в союзе с осн. массой народа и нар. интеллигенцией, чистой сердцем и стремящейся к одной лишь правде. Эта сторона мировоззрения Д. вызвала противодействие либеральной, рев.-демокр. и народнич. критики (наиб. значительными были статьи Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Михайловского), а позднее и марксистской (Г. В. Плеханов, А. В. Луначарский и особенно М. Горький в статьях «Заметки о мещанстве», «О карамазовщине», резко и с полемич. преувеличениями осудивший рецидивы «достоевщины» в лит-ре и иск-ве нач. 20 в.).

Чутко прислушиваясь к подземным толчкам вызревавшей рус. революции, искренне веруя, что «идея всемирного человеческого обновления» осуществится «в виде божеской правды», «Христовой истины», Д. ожесточенно спорил с рев.-демокр. интеллигенцией. Одновременно, резко расходясь с радикалами, отвергая насильств. пути и методы переустройства мира, Д. и в их деятельности обнаруживал «народное» начало (Д. писал, вспоминая Д. В. Каракозова, об одном из героев «Бесов» в намечавшемся предисл. к роману: «В Кириллове народная идея — сейчас же жертвовать собою для правды. Жертвовать собою и всем для правды — вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду» — XI, 303).

С христ. идеалами тесно связаны концепции Д. народа и народности, братства и крест, общины. Он верил, что золотой век человечества еще впереди («люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле»),— нерушимый фундамент гуманистич. содержания творчества Д. В предисл. к рус. пер. романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» Д. писал: «Его мысль — есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия ... восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и обществ, предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества. Проследите все европ. лит-ры нашего века, и вы увидите во всех следы той же идеи, и, может быть, хоть к концу-то века она воплотится наконец вся, целиком, ясно и могущественно, в каком-нибудь таком великом произв. искусства, что выразит стремления и характеристику своего времени так же полно и вековечно, как, например, „Божественная комедия“ выразила свою эпоху средневековых католич. верований и идеалов» (XX, 28— 29). Эти слова Д. с полным правом мог предпослать всему своему творчеству, в к-ром нашли свое «полное» и «вековечное» воплощение гуманистич. идеи и религ. искания 19-го столетия.

Изд.: Соч., т. 1—2, М., 1860; ПСС, т. 1—4, СПб., 1865—70; ПСС, т. 1—14, СПб., 1882—83; ПСС, 6-е изд., т. 1—14 СПб., 1904—06; ПСС, т. 1—23, СПб., 1911—18; Поли. собр. худож. произв., т. 1—13, Л., 1926—30; Письма. 1832—1881, т. 1—4, М.—Л., 1928—59; Собр. соч., т. 1—10, М., 1956—58 (в т. 10 краткая летопись жизни и творчества, сост. Л. П. Гроссман); ПСС в 30-ти тт., т. 1—30, Л., 1972—90; Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г., Переписка, Л., 1976.

Мемуары: Мещерский В. П., Восп. о Д.— «Добро», 1881, № 2—3; Милюков А. П., Ф. М. Достоевский.— РС, 1881, № 3, 5; Яновский С. Д., Восп. о Д.— РВ, 1885, №4; Соловьев Вс. С., Восп. о Д., СПб., 1881; Сытина З. А., Из восп. о Д.— ИВ, 1885, № 1; Александров М. А., Д. в восп. типограф, наборщика в 1872—1881.— РС, 1892, № 4, 5; Фон-Фохт Н. Н., К биографии Д.— ИВ, 1901, № 12; Скандин А. В., Д. в Семипалатинске.— ИВ, 1903, № 1; Тимофеева В. В., Год работы с знаменитым писателем.— ИВ, 1904, № 2; Алчевская Х. Д., Передуманное и пережитое, М., 1912, с. 63—91; Александров А. А., Ф. М. Достоевский.— «Светоч и Дневник писателя», 1913, № 1; Достоевская Л. Ф., Д. в изображении его дочери, пер. с нем., М.—П., 1922; ее же, Об отце.— ЛН, т. 86; Достоевская А. Г., Дневник. 1867 г., М., 1923; ее же. Расшифрованный дневник. — ЛН, т. 86, с. 155—290; Иванова М. А., Воспоминания.— «Новый мир», 1926, № 3, с. 138—44; Микулич В., Достоевский.— В ее кн.: Встречи с писателями, Л., 1929; Достоевский А. М. Воспоминания, Л., 1930; Леткова Е. П., О Д. Из воспоминаний.— В кн.: Звенья, т. 1, М.—Л., 1932; Штакеншнейдер Е. А., Дневник и записки (1854—1886), М.—Л., 1934 (ук.); Опочинин Е. Н., Беседы с Д. Записи и припоминания.— В кн.: Звенья, т. 6, М.—Л., 1936; Токаржевский Ш., Д. в Омской каторге.— Там же; Павлова С. В., Из воспоминаний.— «Нов. мир», 1946, № 3; Любимов Д., Из воспоминаний.— ВЛ, 1961, № 7; Кони А. Ф., Ф. М. Достоевский.—

Собр. соч., т. 6, М., 1968; Бретцель Я. Б. фон, О Достоевском.— ЛН, т. 86; Д. в восп. современников и в его письмах, 2-е изд., ч. 1—2, М., 1923 (сост. В. Е. Чешихин-Ветринский); Д. в восп.; Д. в восп. совр., т. 1—2, М., 1990 (сост. К. И. Тюнькин).

Лит.: Белинский, Добролюбов, Писарев, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Толстой (все — ук.); Майков В. Н., Нечто о рус. лит-ре в 1846 г.— Соч., т. 1, К., 1901; Волоцкой М. В., Хроника рода Д. 1506—1933, М., 1933 (о предках Д.); Михайловский Н. К., Жестокий талант.— В его кн.: Лит.-критич. статьи, М., 1957; Лесков Н. С., О куфельном мужике и пр.— Собр. соч., т. 11, М., 1958, с. 146—56; Д. в рус. критике. Сб. ст., М., 1956 (вступ. ст. и прим. А. А. Белкина); Григорьев А. А., Лит. критика, М., 1967 (ук.); Мережковский Д. С., Л. Толстой и Д.— ПСС, т. 11 — 12, М., 1914; Шестов Л., Д. и Ницше, СПб., 1903; Розанов В. В., Легенда о великом инквизиторе Д., СПб., 1906; Волынский А. Л., Достоевский, [2-е изд.], СПб., 1909; Переверзев В. Ф., Творчество Д., М., 1912 (переизд. в кн.: Гоголь. Достоевский. Исследования, М., 1982); Гроссман Л., Библиотека Д. По неизд. мат-лам, Од., 1919; его же, Поэтика Д., М., 1925; его же, Жизнь и труды Д., М.—Л., 1935; его же, Достоевский, М., 1962 (ЖЗЛ); Тынянов Ю. Н., Д. и Гоголь (К теории пародии), П., 1921; Анциферов Н. П., Петербург Д., П., 1923; Бердяев Н., Мирозерцание Д., Прага, 1923; Штейнберг А. З. Система свободы Д., Б., 1923; Комарович В. Л., «Мировая гармония» Д.— «Атеней», 1924, в. 1—2; Вересаев В. В., Живая жизнь, 4-е изд., М., 1928; Бельчиков Н. Ф., Д. в процессе петрашевцев, М.—Л., 1936, 1971; Луначарский А. В., О «многоголосности» Д.— В его кн.: Классики рус. лит-ры, М., 1937; его же, Д. как мыслитель и художник.— В его кн.: Рус. лит-ра, М., 1947; Чулков Г., Как работал Д., М., 1939; Кирпотин В. Я., Молодой Д., М., 1947; его же, Ф. М. Достоевский. Творч. путь (1821—1859), М., 1960; его же, Д. и Белинский, 2-е изд., М., 1976; его же, Разочарование и крушение Родиона Раскольникова, М., 1974; Мочульский К., Достоевский. Жизнь и творчество, Париж, 1980; Горький М., О «карамазовщине».— Собр. соч., т. 24, М., 1953; Ермилов В. В., Ф. М. Достоевский, М., 1956; Борщевский С. С., Щедрин и Д. История их идейной борьбы, М., 1956; Шкловский В., За и против. Заметки о Д., М., 1957; Фридлиндер Г. М., Д.— критик.— В кн.: История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1958; его же, Реализм Д., М.—Л., 1964; его же, Д. и мировая лит-ра, М., 1979; Бахтин М. М., Проблемы поэтики Д., 4-е изд., М., 1979; Голосовкер Я. Э., Д. и Кант, М., 1963; Долинин А. С., Последние романы Д. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы», М.—Л., 1963; его же, Д. и другие, Л., 1989; Зунделович Я. О., Романы Д., Таш., 1963; Чирков Н. М., О стиле Д. Проблематика, идеи, образы, М., 1967; Кожинов В. В., «Преступление и наказание» Д.— В кн.: Три шедевра рус. классики, М., 1971; Д. в портретах, иллюстрациях и документах, М., 1972; Саруханян Е. П., Д. в Петербурге, Л., 1970; Белкин А. А., Читая Д. и Чехова, М., 1973; Бурсов Б. И., Личность Д. Роман-исследование, Л., 1974; Альтман М. С., Достоевский. По вехам имен, Саратов, 1975; Виноградов В. В., Поэтика рус. лит-ры, М., 1976; Карякин Ю. Ф., Самообман Раскольникова, М., 1976; его же, Д. и канун XXI в., М., 1989; Кулешов В. И., Жизнь и творчество Д., М., 1979; Семенов Е. И., Роман Д. «Подросток», Л., 1979; Туниманов В. А., Творчество Д. 1854—1862, Л., 1980; Розенблюм Л. М., Творч. дневники Д., М., 1981; Гозенпуд А. А., Д.

и муз.-театр, иск-во, Л., 1981; Селезнев Ю. И., Достоевский, М., 1981, 3-е изд., М., 1990 (ЖЗЛ); Громыко М. М., Сиб. знакомые и друзья Д. 1850— 1854 гг., Новосиб., 1985; Захаров В. Н., Система жанров Д., Л., 1985; Волгин И., Последний год Д., М., 1986; Твардовская В. А., Д. в обществ. жизни России (1861—1881), М., 1990. Творчество Д., Од., 1921 (под ред. Л. П. Гроссмана); Ф. М. Достоевский. Статьи и мат-лы, т. 1—2, П., 1922— 24 (под ред. А.С. Долинина); Творч. путь Д., Л., 1924 (под ред. Н. Л. Бродского); Достоевский. — Тр. Гос. Акад. худож. наук. Лит. секция, в. 3, М., 1928; О Достоевском. Сб-к статей, т. 1—4, Прага, 1929—36 (под ред. А. Л. Бема); Ф. М. Достоевский. Мат-лы и иссл., Л., 1935 (под ред. А.С. Долинина); Шестидесятые годы. Мат-лы по истории литры и обществ, движению, М.— Л., 1940 (ук.); Творчество Д., М., 1959 (под ред. Н. Л. Степанова, Д. Д. Благого и др.); Д. и его время, Л., 1971; Д. и рус. писатели, М., 1971 (сост. В. Я. Кирпотин); Д. — художник и мыслитель, М., 1972; Неизданный Д.— ЛН, т. 83; Ф. М. Достоевский. Новые мат-лы и иссл.— ЛН, т. 86; Д. в заруб, лит-рах, Л., 1978; Достоевский. Мат-лы и иссл., т. 1—8, Л., 1974— 88; Записки рус. академич. группы в США, т. 14, *Dostoevsky commemorative volume*, N. Y., 1971; Д. и театр. Сб-к статей, Л., 1983 (сост. А. А. Нинов).

Заруб. лит-ра: франц.— Vogué E. M. de, *Le roman russe*, P., 1886, 1927; Gide A., *Dostoïevski*, P., 1923, 1964; Troyat H., *Dostoïevsky*, P., 1940; 1957; Camus A., *Le mythe de Sisyphe*, P., 1942, 1970; Lubac H. de, *Le drame de l'humanisme athée*, 6-e éd., P., 1959; Pascal P., *Dostoïevski*, (P., 1969); Chardin Ph., *Un roman du clair-obscur. «L'Idiot» de Dostoïevski*, [P., 1976]; Catteau J., *La création littéraire chez Dostoïevski*, P., 1978; англ.— Murry J. M., *F. Dostoevsky*, L., 1923, N. Y., 1966; Muchnic H., *Dostoevsky's English reputation*, Northampton (Mass.) [1939]; Simmons E. J., *Dostoevski*, L.—N. Y.—Toronto, 1940; N. Y., 1962; Poggioli R., *The Phoenix and the Spider*, Camb., 1957; Steiner G., *Tolstoy or Dostoevsky. An essay in contrast*, L., 1959, 1980; Wasiolek E., *Dostoefsky. The major fiction*, Camb. (Mass.), [1964]; Belknap R. L., *The structure of «The Brothers Karamazov»*, The Hague — P., 1967; Fanger D., *Dostoevsky and romantic realism*, Chi., 1967; Jones M. V., *Dostoevsky. The novel of discord*, L., 1976; Holquist M., *Dostoevsky and the novel*, Princeton (N. Jersey), (1977); Hingley R., *Dostoyevsky. His life and work*, L., 1978; Kabat G. C., *Ideology and imagination. The image of society in Dostoevsky*, N. Y., 1978; Jackson R. L., *The art of Dostoevsky*, Princeton (N. Jersey), [1981]; *Dostoevsky Studies. Journal of the International Dostoevsky Society*, v. 1—, Klagenfurt—Knoxville, 1980—; нем.— Zweig S., *Drei Meister: Balzac, Dickens, Dostojewski*, Lpz., 1921; Natorp P. G., *F. Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise*, Jena, 1923; Kaus O., *Dostojewski und sein Schicksal*, B., 1923; Nötzel K., *Das Leben Dostojewskis*, Lpz., 1925; Meier-Cräfe J., *Dostojewski als Dichter*, B., 1926; Hesse H., *Gesammelte Werke*, B., 1928; Thurneysen E., *Dostojewski*, Münch., 1939; Seghers A., *Über Tolstoi. Über Dostojewskij*, B., 1963; *Wir und Dostojewskij*, [Hamb., 1972]; Braun M., *Dostojewskij. Das Gesamtwerk als Vielfalt und Einheit*, Gott., [1976]; Schultze B., *Der Dialog in F. M. Dostoevskijs «Idiot»*, Münch., 1974; итал.— Cantoni R., *Crisi dell'uomo. Il petisiero di Dostoevskij*, Mil., 1948, 1975; Biancotti A., *Dostojewsky*, [Torino, 1964]; норв.— Krag E., *Dostoejevskij*, Oslo, 1962; швед.— Lagerlöf K. E., *Dostojevskij. Liv och dikt*, [Stockh.,

1978]; рум.— Lanoși I., Dostoievski «trageilia subteranei», Buc., 1968; Cristea V., Tînarul Dostoevski, [Buc.], 1971; польск. — Mackiewicz S., Dostojewski, Warsz., 1957; Poźniak T., Dostojewski w kregu symbolistow rosyjskich, Wr., 1969; (резюме на рус. яз.); серб.— Бабобих М., Достоевски код срба, Титоград, 1961; чеш.— Masaryk T. G., Studie o F. M. Dostojevském, Praha, 1932; Paro1ek R., F. M. Dostojevskij, [2 vyd., Praha, 1964]; Kautman F., Voje o Dostojevského, Praha, 1966; болг.— Стоянов Ц., Геният и неговият наставник, София, 1978; венг.— Király G., Dosztojevskij es az orosz proza, Bdpst, 1983.

Достоевская А. Г., Библ. ук. соч. и произв. иск-ва, относящихся к жизни и деятельности Д. (1846—1903), СПб., 1906; Гроссман Л. П., Семинарий по Д., М.—П., 1923; Описание рукописей Д., М., 1957 (под ред. В. С. Нечаевой); Ф. М. Достоевский. Библ. произв. Д. и лит-ры о нем. 1917—1965, М., 1968; Белов С. В., Библ. произв. Д. и лит-ры о нем. 1966—1969.— В кн.: Д. и его время. Л., 1971; Д. и театр. 1846— 1977. Библ. ук., Л., 1980 (сост. С. В. Белов), Муратова (1).

Архивы: ЦГАЛИ, ф. **212**; ИРЛИ, ф. **100, 56**; ГБЛ, ф. **93**; ГПБ, ф. **262**; ГЛМ, ф. **81**.

Т. И. Орнатская, В. А. Туниманов.